

Л.В. Красильникова, А.В. Сапунова (Москва, Россия)

Словообразовательные гнезда и подгнезда с позиции когнитивно-коммуникативного подхода

Аннотация: В статье затрагиваются проблемы соотношенности семантики многозначного исходного слова и семантики его производных в рамках словообразовательного гнезда. Особое внимание уделяется областям русского словообразования, по которым распределяются дериваты в словообразовательном гнезде. Словообразовательное гнездо рассматривается как когнитивно-коммуникативная единица языкового сознания с подгнездами, интерпретирующими отдельные фрагменты действительности.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, исходное слово, лексико-словообразовательный вариант, производное слово, полисемия, когнитивно-коммуникативные подгнезда

L.V. Krasilnikova, A.V. Sapunova (Moscow, Russia)

Cognitive-Communicative Approach to the Word-Formation Nests and Subnests

Abstract: The article is about correlation of the semantics of a polysemantic base word and the semantics of its derivatives within a word-formation nest. Special emphasis is paid to the processes of Russian word-formation, according to which derivatives are distributed in the word-formation nest. A word-formation nest is considered to be a cognitive-communicative unit of language consciousness with sub-nests which interprets separate fragments of reality.

Key words: word-formation nest, base word, lexical and word-formation variant, derivative word, polysemy, cognitive and communicative subnests

Проблема определения списка комплексных единиц словообразования и их фундаментального описания еще не получила своего окончательного решения в лингвистической литературе. Рассмотрение словообразовательного гнезда в аспекте разных лингвистических направлений по-прежнему остается актуальным, при этом самым эффективным становится изучение словообразовательного гнезда с помощью применения различных лингвистических подходов. Если вначале словообразовательное гнездо выделялось прежде всего как структурная единица словообразовательной системы русского языка, то позднее интерес привлекла словообразовательная семантика данной комплексной единицы как струк-

турно-семантической единицы. Большое внимание стали уделять рассмотрению словообразовательного гнезда с учетом его связей с лексической семантикой. В настоящее время перспективным представляется понимание того, что «словообразовательное гнездо является не только единицей комплексной (классификационной), но и единицей языкового сознания, отражающей коммуникативные и номинационные потребности общества»¹.

Словообразовательное гнездо представляет собой сложно организованную и иерархически упорядоченную совокупность производных одного исходного непроизводного слова.

При описании русского словообразования в различных аспектах чрезвычайно плодотворна опора на характер семантического преобразования производящей основы, определяющий входение словообразовательного типа и соответствующего производного в конкретную область словообразования: чисто транспозиционную, модификационную или мутационную (М. Докулил, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, З.И. Резанова и др.). Семантический анализ словообразовательного гнезда тесно связан с функционально-семантическими областями русского словообразования.

При выделении сфер словообразования основным выступает семантический критерий, следствием чего является специфический набор словообразовательных категорий в каждой из них. Так, например, для производных существительных в области чистой транспозиции характерна семантико-словообразовательная категория отвлеченности (*уменьшение, ответственность*); в модификационной области представлены словообразовательные категории 'лицо женского пола' (*студентка*), 'детеныш' (*котенок*), 'мясо животного' (*свинина*), 'единичность' (*чаинка*), 'собираемость, совокупность' (*зверье, проблематика*), 'подобие' (*глазок*) и т. д.; в мутационную область входят семантико-словообразовательные категории лица (*учитель*) и неодушевленного предмета (*обогреватель*).

Важным признаком является соотношение частеречной принадлежности производного и производящего. При чистой транспозиции происходит перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения, так как изменения касаются лишь категориального (частеречного) компонента семантики. Так, дериваты-существительные со значением действия или процесса, качества или свойства, состояния содержат грамматическую сему предметности (*варка, белизна, слабость, веселость*). В область чистой транспозиции входят отглагольные имена со значением действия (*бег, говорение*) или процесса (*повышение*), деадъективные имена со значением качества (*честность*), отвлеченные существительные со значением состояния (*радость*), относительные прилагательные (*машинный*), а также производные наречия (*черно*) и т. д. У производного слова по отношению к производящему изменяется набор морфологических категорий, и вследствие этого дериват выполняет другую синтаксическую функцию в предложении, в связи с чем чистые транспозиты называют также вслед за Е. Куриловичем синтаксическими дериватами.

Область модификации формируют словообразовательные типы, производящие и производные которых относятся к одной и той же части речи. В производном слове по отношению к производящему выделяется конкретный дополнительный компонент лексического значения, т. е. происходит частичное изменение или уточ-

¹ Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. С. 158.

нение исходного слова (*учитель – учительница*). К этой области относятся также производные гиперкатегории субъективности. Семантическая разница может носить объективный (*ключик* от почтового ящика), смешанный субъективно-объективный (*почитать, домик,домище*) или субъективный эмоционально-экспрессивный характер (*домишко, чаёк*). Кроме того, производное слово может отличаться от производящего лишь стилистически (*скамейка, зачитать, архиважный*).

Производные мутационной словообразовательной области могут относиться к той же части речи, что и производящее слово (*утро – утренник*), или принадлежать к другой части речи (*писать – писатель*), но в них обязательно наблюдаются значительные семантические изменения по сравнению с производящими, возникает совершенно новое лексическое значение на базе старого. Наиболее ярко своеобразие ментально-языкового освоения действительности носителями русского языка проявляется в производных мутационной области словообразования, основная функция которых номинативная. Именно для мутационных дериватов в значительной степени характерна фразеологичность (идиоматичность) семантики.

Е.В. Петрухина рассматривает типы словообразовательной производности в аспекте концептуальной деривации, связывая их с преобразованиями концептуальных структур в производном слове. Исследователь в том же ключе интерпретирует концепцию М. Докулила: «По определению чешского лингвиста М. Докулила, разработавшего основные положения деривационной ономазиологии, под модификацией понимается производная номинация, при которой к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, обогащающий это понятие, в результате чего создается более специфицированное название того же предмета или явления действительности. Мутация же – это не уточнение старого понятия, а создание нового на базе первоначального, это номинация нового явления на основе его отношения к исходному [Dokulil 1962: 46; 1982¹]»².

Еще в середине XX в. В. Дорошевский увидел в формальной структуре производного слова отражение суждения о денотате, например дериват *špiewak* (*певец*) раскрывается через пропозитивную структуру «тот, кто поет»³. Производное слово в русле когнитивной лингвистики рассматривается как пропозитивная структура, когнитивная структура, когнитивная модель интерпретации явлений действительности (Е.С. Кубрякова, Е.В. Петрухина, В.Г. Фатхутдинова и др.). Словообразовательное гнездо тогда предстает как крупная комплексная словообразовательная единица, интерпретирующая значительный фрагмент действительности с точки зрения национального менталитета. Изучение формальных, семантических и коммуникативно-когнитивных связей производных слов внутри словообразовательного гнезда остается актуальным. Одним из сложнейших вопросов изучения словообразовательного гнезда является выделение внутри него более мелких группировок производных.

В лингвистической литературе представлены различные попытки объединения словообразовательных единиц как составляющих словообразовательного гнезда. В.Г. Головин выделяет в словообразовательном гнезде, кроме традиционных комплексных единиц: пара, парадигма и цепочка, новую комплексную единицу – сло-

¹ Dokulil M. Tvorem slov v češtině. I. Teorie odvozovam slov. Praha: CAV, 1962. 263 p.; Dokulil M. 1982 Dva příspěvky k odvozování sloves // Naše řeč. 1982. Ročník 65. № 1. S. 1–11.

² Петрухина Е.В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 255.

³ Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952; Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton. 1957. С. 307.

вообразовательную ветвь, которая включает в себя цепочки, имеющие в своем составе члены одной парадигмы. Лингвист рассуждает: «Как состоящая из цепочек, словообразовательная ветвь имеет синтагматическое измерение, как состоящая из словообразовательных парадигм, она имеет парадигматическое измерение, и, таким образом, взаимодействие словообразовательной синтагматики и парадигматики происходит уже на уровне словообразовательной ветви»¹.

А.А. Поликарпов предложил термин «гиперлексема». Он считает, что «восхождение к гиперлексеме знаменует завершение логики движения от грамматических вариантов лексической единицы к ее «чистому» инвариантному виду, собственно лексическому и по содержанию, и по форме»².

Г.О. Каримова вслед за А.А. Поликарповым отождествляет в гиперлексеме дериваты, характеризующиеся наличием регулярных формально-семантических соответствий в языке, т.е. относящиеся к регулярным структурно-семантическим моделям с предсказуемым семантическим сдвигом в одном из лексических значений полученной производной единицы. Г.О. Каримова подчеркивает, что «возможность описания лексики русского языка как системы регулярных формально-семантических парадигм – гиперлексем – является в первую очередь следствием универсального проявления деривационных и ономаσιологических закономерностей в языке»³. Важно, что при формировании гиперлексемных единиц исследователь учитывает специфику типов производности: синтаксическую деривацию (транспозицию), модификацию и мутацию, различая регулярные образования и нерегулярные изменения в плане выражения и в плане содержания в деривате.

М.В. Всеволодова, развивая идею А.А. Поликарпова, указывает на необходимость введения специального понятия для группировок производных внутри словообразовательного гнезда, описывающих общий фрагмент действительности. Так, лингвист использует термин гиперлексема для следующих рядов слов в словообразовательном гнезде: «В рамках одного словообразовательного гнезда возникают разные объединения слов, разные словообразовательные ряды, различающиеся в первую очередь семантикой: *бежать / убежать из тюрьмы – бегство / побег – беглый рецидивист*; но: *беглец* – уже без криминального смысла, например о ребенке, убежавшем из дома; *бежать / бегать стометровку – бегун на короткие дистанции – забег на сто метров; бегло читать – беглое чтение – беглость чтения*; – где нет прямого выхода в глагол *бежать / бегать*»⁴. Отметим, что, по-видимому, глагол *бежать / бегать* и *бегло читать – беглое чтение – беглость чтения* объединяет сема «быстрый, быстро». Данные группировки производных описывают разные фрагменты действительности. Так, производные *бежать / убежать, бегство, побег, беглый* (прил.) и *беглый* (сущ.) связаны с криминальной ситуацией, *бежать / бегать, бегун*, а также *бегунья, забег* и еще слово *бег* описывают спортивное соревнование.

¹ Головин В.Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. Ташкент, 1985. С. 214.

² Поликарпов А.А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. №5. С. 64–74.

³ Каримова Г.О. Типы словопроизводства и критерии выделения гиперлексемы // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 186.

⁴ Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы (Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 182.

В русле когнитивно-коммуникативной лингвистики чрезвычайно важным является вывод Л.А. Араевой и М.А. Осадчего, сделанный по поводу природы словообразовательного гнезда: «Словообразовательное гнездо является не констатацией генетической связанности слов, а сообществом кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, для которых взаимная соположенность является онтологически значимым фактором, условием их участия в речемышлении. При таком рассмотрении словообразовательное гнездо приобретает статус дискурсивного единства языковых форм, заключающегося, с одной стороны, в их потенциальной речемыслительной связанности, с другой – в их совместном участии в формировании конкретного дискурса (ср.: *Пастух рано утром гонит скот на выпаса // там он их пасет // ему подпасок помогает пасту*). Дискурсивная связанность может остаться в потенции. Активация гнезда в одном дискурсе довольно редкое явление. Однако членам гнезда достаточно быть потенциально связанными дискурсивными нитями. Важнейшая задача гнезда – оформить связность той или иной онтологической ситуации. Языковая деривация реализует идею связного видения бытия (например: корова *телится* в *телятнике*, на свет появляется *теленочек*, все это называется *отелом*, а корова *стельной*). В таком гнезде нет смысла искать генетическую вершину, это не значимо для речемыслительной деятельности. На первый план выступает синхроническая взаимная детерминация языковых форм»¹. Такая трактовка углубляет понимание словообразовательного гнезда, объединяющего однокоренные производные лексемы, как источника национально-культурной информации, актуализируя его значимость для выполнения когнитивной и коммуникативной функций.

Рассмотрение словообразовательного гнезда с точки зрения его структурной организации, концептуальной деривации и коммуникативного потенциала позволяет выделить в нем когнитивно-коммуникативные словообразовательные подгнезда, которые будут формироваться производными, мотивированными отдельным лексико-семантическим вариантом базового непроеизводного слова. Данные подгнезда содержат описание определенного фрагмента действительности. Такая совокупность производных выступает в качестве совокупности кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, представляя собой тематико-ситуативное объединение дериватов, обслуживающее определенное концептуальное пространство и ряд конкретных коммуникативных ситуаций. Таким образом, словообразовательное гнездо предстает как сложная когнитивная структура, выступающая базой для речевой деятельности говорящего при решении коммуникативных задач, т. е. для речевой коммуникации. Такая трактовка словообразовательного гнезда позволяет охарактеризовать его как когнитивно-коммуникативное словообразовательное гнездо.

При вычленении когнитивно-коммуникативных подгнезд в рамках одного словообразовательного гнезда необходимо рассмотреть вопросы полисемии производящего и производного слова, многозначности словообразовательного аффикса.

Производные слова изучаются с учетом значения производящего. Для русского слова характерна многозначность, которая присуща как производящему слову, так и производному. Исходные слова словообразовательного гнезда в большинстве случаев представляют собой полисемантические структуры. Производные

¹ Араева Л.А., Осадчий М.А. Словообразовательная система как дискурсивное взаимодействие гнезд и типов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г.: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 269–270.

как многозначные слова в рамках словообразовательного гнезда также реализуют свои разные значения. При этом сама структура словообразовательного гнезда включает в себя совокупность дериватов, не раскрывая их семантические связи с разными значениями исходного слова. Значения многозначного слова, как известно, могут быть как прямыми, так и переносными, что не может не отражаться на семантике деривата. А.Н. Тихонов подчеркивал: «Производящие и производные связывает не какое-то общее значение, не какая-то общая идея, заложенная в корне слова и свойственная всем однокоренным словам. Каждая производная основа возникает на базе определенного значения производящей основы»¹. Таким образом, «значение производной основы может базироваться на одном из лексико-семантических вариантов многозначного слова, а не на всей смысловой его структуре»².

Исследователи не раз обращались к проблеме передачи значений от многозначного производящего слова к производному, которое также может быть полисемантическим, подчеркивалось, что «отношения многозначной вершины словообразовательного гнезда со своими производными сложны и многообразны. Различные значения исходного слова обладают различным деривационным потенциалом и по-разному отражаются в производных»³ (см. там же о семантической соотнесенности исходного слова и его деривата). Возникновение и развитие значения производного слова предопределяется типом значения производящей единицы. Общепринятым является тот факт, что в деривационных актах наиболее активно прямое, основное значение исходного слова.

Еще одним из аспектов анализа словообразовательного гнезда является рассмотрение вопроса о полисемии, а значит, и омонимии словообразовательных аффиксов.

При определении полисемии словообразовательных аффиксов основным является семантический критерий, т. е. наличие общего значения или общей семы. Однако в некоторых случаях в связи с разной степенью отвлеченности словообразовательного значения требуются дополнительные уточнения. Так, аффиксы *-тель*, *-ник*, *-ик* передают частные словообразовательные значения лица или предмета (*водитель* и *выключатель*; *банищик* и *чайник*; *умник* и *рыжик* (гриб)), или 'носитель процессуального признака', 'носитель предметного признака' и 'носитель признака'. Все эти значения входят в общее словообразовательное значение 'носитель признака'.

Мы присоединяемся к мнению, что «одноименные суффиксы, объединенные общим инвариантным значением, являются полисемичными. Например, значения лица и предмета мутационных суффиксов *-ец*, *-ок* имеют общее значение 'носитель признака (непроцессуального или процессуального)'. Ср.: *гордец*, *слепец*, *оборванец* и *холодец*, *варенец*, *сеянец*; *едок*, *игрок*, *стрелок* и *скребок*, *каток*, *понамазок*»⁴. Кроме того, полисемия деривационного аффикса представлена в производных одновременно принадлежащих к транспозиционному и мутационному словообразованию, «например, *вход-0*, *зимов-к-а*, *переправ-0-а* (действие и ме-

¹ Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 41.

² Гацайничева А.К. Словообразовательный потенциал названий частей тела человека в русском и даргинском языках: Дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 160 с.

³ Трифонова Н.С. Смысловая корреляция исходной и производной единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 170.

⁴ Осильбекова Д.А. Критерии омонимии словообразовательных аффиксов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С. 23–34.

сто действия); *бездарн-ость, велич-ин-а* (признак и лицо)» (Там же), поскольку наблюдается «наличие общего компонента ‘действие’ в значениях ‘действие как процесс’ и ‘действие как характеристика предмета’, а также наличие общего компонента ‘признак’ в значениях ‘отвлеченный признак’ и ‘признак как характеристика предмета’» (Там же). В то время как противопоставленность одноименных аффиксов, относящихся к транспозиционной и модификационной функции, а также мутационной и модификационной функции, означает омонимию словообразовательных аффиксов: «Ср.: *безвкус-иц-а* (от безвкусный) и *луж-иц-а* (от лужа), *игр-иц-е* (от играть) и *друж-иц-е* (от друг), а также *рез-ец* (от резать) и *брат-ец* (от брат), *диабет-ик* (от диабет) и *лоб-ик* (от лоб)» (Там же).

Рассмотрим, например, какие когнитивно-коммуникативные подгнезда можно выделить при группировке дериватов исходного прилагательного *глухой* с учетом наличия у него лексико-семантических вариантов.

1. Первый ЛСВ прилагательного *глухой* – ‘лишенный слуха (полностью или частично)’ – является активным производящим. Значения всех производных слов связаны с типовой ситуацией потери человеком слуха (полной или частичной). Можно говорить о развитом словообразовательном подгнезде. У прилагательного *глухой* имеется соответствующий субстантив *глухой* – ‘тот, кто не слышит, плохо слышит’, который имеет стилистическую помету (разг.).

На первой ступени производности мы также видим производные со значениями, характерными для производных прилагательных в русском языке: усиление признака – *преглухой* (‘очень глухой’), степень признака – *глуховатый* (‘в некоторой, в определенной степени глухой’), отвлеченные существительные с качественным значением – *глухота* (‘полное или частичное отсутствие слуха’) (см. также абстрактное, медицинский термин) и *глухость*; лицо – носитель признака, названного мотивирующим именем прилагательным, – *глушня* (‘тот, кто полностью или частично лишен слуха’, разг.-сниж.) и *глухарь* (‘глухой или плохо слышащий человек’, разг.-сниж., прост.), непереходный глагол несовершенного вида со значением постепенного усиления какого-л. признака, состояния, названного мотивирующим словом, – *глохнуть* (‘терять способность слышать; становиться глухим’); переходный глагол несовершенного вида со значением отрицательного воздействия на объект, приводящего к возникновению качества, названного мотивирующим словом, – *глушить* (‘лишать способности слышать, оглушать’ (о громких звуках, сильном шуме и т. п.); ‘лишать слуха полностью или на время’ (о громком шуме, сильных звуках и т. п.); Постоянный грохот трамвая *глушил*).

Кроме того, прилагательное *глухой* входит в сложное слово *глухонемой* (‘лишенный способности к словесной речи вследствие врожденной или приобретенной в раннем детстве глухоты’).

Некоторые из производных слов сами выступают в роли производящих:

- от прилагательного *глуховатый* образуется отвлеченное существительное *глуховатость* (‘глухота’);
- от прилагательного *глухонемой* образуется отвлеченное существительное *глухонемота* (‘неспособность к словесной речи вследствие врожденной или приобретенной в раннем детстве глухоты’);
- от глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида *оглохнуть* (‘утратить способность слышать; стать глухим’);
- от глагола *глушить* образуется глагол совершенного вида *оглушить* (‘сильным звуком, шумом лишить на время ясности слуха’). От глагола *оглушить*

образуется транспозит со значением действия *оглушение* и прилагательное *оглушительный* ('очень громкий, шумный, такой, что способен оглушить'). От прилагательного *оглушительный* образуются наречие *оглушительно* и отвлеченное существительное по значению прилагательного *оглушительность*. Глагол *оглушить* имеет видовую пару *оглушать*, от которой образуется производное *оглушающий* (прилаг.). В свою очередь от него произведено наречие *оглушающе*.

Слово *глухарь* имеет не только значение 'глухой или плохо слышащий человек', но и второе значение: 'птица из породы тетеревов, глухой тетерев'. *Глухой тетерев* – второй вариант названия птицы. Такое название связано с тем, что эта птица при токовании как бы глохнет и ничего не слышит, чем пользуются охотники (см., например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера)¹.

Отметим, что в русском языке сохраняется словосочетание *глухая тетеря*, фразеологизм, который используется для обозначения слабослышащего или потерявшего слух человека, а также человека невнимательного, бестолкового, ничего не замечающего вокруг себя.

Представим подгнездо первого ЛСВ исходного прилагательного *глухой* в виде таблицы.

Таблица 1

глухой	глухой сущ.				
	глуховатый	глуховатость			
	преглухой				
	глухонемой	глухонемота			
	глухота				
	глухость				
	глушня				
	глухарь1				
	глухарь2				
	глохнуть	оглохнуть			
	глушить	оглушить	оглушать	оглушающий	оглушающе
			оглушение		
			оглушительный	оглушительно	
				оглушительность	

1а. Значение глагола *глушить* 'ударом ошеломлять; приводить в бесчувствие (человека, рыбу)' (разг.) содержит сему 'потеря слуха', 'лишать возможности слышать', 'делать глухим' и опирается на основные значения этого глагола и базового прилагательного *глухой*.

Глагол *глушить* в этом значении является производящим для нескольких глаголов совершенного вида: глагола *оглушить* ('ударом привести кого-либо в состояние беспамятства': *Преступник оглушил мужчину ударом кулака; Рыбак оглушил сома ударом весла*); *переглушить* ('оглушить всех или многих, глуша, убить, истребить всё и всех подряд': *Переглушили всю рыбу в пруду*); *наглушить* ('глуша, добыть, наловить какое-нибудь количество чего-нибудь (рыбы)') и *поглушить* ('в

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

течение некоторого времени глушить рыбу’). При этом производные глаголы отражают ситуации, связанные прежде всего с рыбой, и имеют пометы разг. и спец.

Таблица 1а

глухой	глушить	оглушить
		переглушить
		наглушить
		поглушить

2. Значение второго ЛСВ прилагательного *глухой* ‘равнодушный, невосприимчивый, незаинтересованный’ является переносным значением и восходит к первому ЛСВ прилагательного *глухой*. Однако и в этом значении прилагательное *глухой* организует свое подгнездо, которое при этом развито не настолько, насколько развито подгнездо прямого значения. Прилагательное *глухой* в данном переносном значении имеет производные только первой ступени деривации.

В подгнездо входят слово со значением степени признака *глуховатый* (‘в некоторой, в определенной степени глухой’: *Рассеян был принц, глуховат к добрым советам*), соответствующие отвлеченные существительные *глухота* (‘отсутствие чуткости, отзывчивости; невнимание, равнодушие’: *Но воспитывающий родитель обязан научить ребенка слышать другие точки зрения, потому что, когда он выйдет в социальную действительность, эмоциональная глухота может быть чревата серьезными психическими травмами*) и *глухость* (Умение проникаться чудным бессловесным взаимным пониманием и *глухость, тупость, неотзывчивость болвана, который деревянно запарывает момент за моментом и обрезают неуклюжим пасом всю свою оборону*), а также глагол со значением постепенного усиления какого-л. признака, состояния, названного мотивирующим словом *глохнуть* (‘становиться равнодушным, невосприимчивым к чему-л.’: *Что-то я стал заметно глохнуть, пустеть головой и душой*).

Таблица 2

глухой	глуховатый
	глухота
	глухость
	глохнуть

3. Третий ЛСВ прилагательного *глухой* имеет значение ‘негромкий, приглушенный, тусклый (о голосе, звуке чего-л.)’, которое развивает два переносных подзначения ‘неяркий (о цвете, красках)’ и ‘проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’ (глухая боль).

Прилагательное *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ является исходным словом собственного словообразовательного подгнезда. Значения производных слов, входящих в это подгнездо, связаны с указанием на громкость звуков, как, например, значение производного прилагательного *глуховатый* (‘негромкий, чуть приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’), указывающее на степень признака, названного производящим словом; значение транспозитана-наречия *глухо*, значение отвлеченного существительного *глухость* (*Голос его потемнел глухостью и вялостью*) и значение отвлеченного существительного со значением степени признака *глухотца* (‘глуховатость; приглушенность’). Сюда же относятся лингвистические термины: *глухой согласный звук* и *глухость*.

От прилагательного *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ образуются два глагола: *глушить* (‘делать звук слабым, глухим с целью помешать слышать что-л., *заглушать* (о сильном шуме)’)) и *глохнуть* (‘делаться неслышным, слабым, глухим; затихать (о звуках)’). Названные производные находятся на первой ступени деривации прилагательного *глухой*.

От прилагательного *глуховатый* образуются соотносительное с ним по значению наречие *глуховато* и отвлеченное существительное со значением степени признака *глуховатость*.

Глагол *глушить* выступает производящим к отвлеченному существительному *глушение*. К глаголу *глушить* в значении ‘делать звук слабым, глухим с целью помешать слышать что-л.’ присоединяются приставки *при-*, *за-*, *пере-*:

- *приглушить* (‘сделать менее слышным; ослабить, смягчить (звук, звучание)’)) (глагол несовершенного вида – *приглушать*);
- *заглушить* в двух значениях: ‘превзойти по силе какие-л. звуки, сделав их неслышными’ и ‘сделать менее слышным; приглушать’ (глагол несовершенного вида – *заглушать*);
- *переглушить* (‘сделать неслышным, подавляя силой звука; заглушить’) (разг.).

Глагол *приглушить*, который находится на третьей ступени словопроизводства, обладает наибольшим деривационным потенциалом. От него образуются следующие производные: глагол несовершенного вида *приглушать*; прилагательное *приглушенный* (‘в некоторой степени ослабленный, слегка заглушенный (о звуке)’), а также существительное со значением процесса действия по значению глагола *приглушение*.

На третьей ступени от прилагательного *приглушенный* образуются соответствующее наречие *приглушенно* и отвлеченное существительное *приглушенность*.

Глагол *глушить* является производящим существительного *глушитель* (‘устройство для снижения шума’ (двигатели, огнестрельное оружие, музыкальные инструменты)). От существительного образованы сложные слова *звукоглушитель* и *шумоглушитель*.

От глагола *глушить* имеется также производное существительное *глушилка* (разг., проф.), обозначающее устройство для глушения сигнала радиостанции, мобильного телефона, сотовой связи (*глушилка сотовой связи*).

К глаголу несовершенного вида *глохнуть* (‘делаться неслышным; затихать (о звуках)’)) при образовании глаголов совершенного вида присоединяются приставки *за-* и *при-*: *заглохнуть* (‘перестать звучать, затихнуть’) и *приглохнуть* (‘стать менее слышным, притихнуть’).

Таблица 3

глухой	глуховатый	глуховато		
		глуховатость		
	глухо			
	глухость			
	глухотца			
	глушить	глушение		
		приглушить	приглушать	
			приглушенный	приглушенно
				приглушенность

			приглушение	
		заглушить	заглушать	
		переглушить		
		глушитель	звукоглушитель	
			шумоглушитель	
		глушилка		
	глохнуть	заглохнуть		
		приглохнуть		

За. Глаголы *глушить* и *глохнуть* развивают переносное значение: *глушить* ('прекращать работу о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом') и *глохнуть* ('переставать работать о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом' (разг.)). Развитие данных значений связано с тем, что, когда механизм, устройство прекращает работать, звук перестает быть слышимым.

К глаголу *глушить* в значении 'прекращать работу о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом' при образовании глагола совершенного вида присоединяются следующие приставки: *при-* и *за-* (*приглушить*, *заглушить* – 'прекратить работу (мотор)'). Глагол *приглушить* может означать 'заглушить на время', ср., например, форму императива *Приглуши мотор* (временно заглуши) и *Заглуши мотор*, императив *Приглуши мотор* звучит менее категорично.

От глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида с помощью приставки *за-*: *заглохнуть* 'перестать работать (о каком-л. устройстве, действие которого сопровождается звуками, шумом)' (разг.).

Таблица 3а

глухой	глушить	приглушить
		заглушить
	глохнуть	заглохнуть

3б. Переносное значение второго ЛСВ прилагательного *глухой* 'неяркий (о цвете, красках)' также выступает в качестве производящего. От прилагательного *глухой* в значении 'неяркий (о цвете, красках)' образованы отвлеченное существительное по значению прилагательного *глухость* (*Наделенный множеством градаций черный цвет Хальса лишился здесь тяжести и глухости, став по выразительности практически равным другим цветам спектра*) и глагол *глушить* ('делать цвета неяркими').

От глагола *глушить* образован глагол *приглушить* ('немного сделать цвета неяркими', 'сделать свет менее ярким': *Запустить стиральную машину, включить кондиционер, аудиосистему или приглушить освещение можно одним мановением руки, «махнув пыль» со смартфона*), а от него существительное со значением процесса действия *приглушение* и прилагательное *приглушенный* ('не сильный, не яркий (о цвете, красках)'). На четвертой ступени словопроизводства находятся соответствующие наречие *приглушенно* и отвлеченное существительное *приглушенность*.

Таблица 3б

глухой	глухость			
	глушить	приглушить	приглушение	
			приглушенный	приглушенно
				приглушенность

Зв. От прилагательного *глухой* в значении ‘проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’ (глухая боль) образован глагол *глушить*, а от него – приставочные глаголы *заглушить* (‘ослабить (боль, душевные переживания и т. п.)’) и *приглушить* (‘ослабить (боль, душевные переживания и т. п.)’).

Глагол *глушить* входит в словообразовательную цепочку: *глухой* – *глушить* – *заглушить* – *заглушать*. А глагол *приглушить* выступает производящей базой для глагола *приглушать*, существительного со значением процесса *приглушение* и прилагательного *приглушенный* (‘не сильный, проявляющийся в незначительной степени; ослабленный’), от которого образуется наречие – *приглушенно* (*Боль действительно немного рассосалась, но локально спина продолжала **приглушенно** болеть*).

Таблица 3в

глухой	глушить	приглушить	приглушать	
			приглушение	
			приглушенный	приглушенно
		заглушить	заглушать	

Зг. От третьего ЛСВ прилагательного *глухой* в значении ‘негромкий, приглушенный (о голосе, звуке чего-л.)’ развивается частное переносное значение ‘преисполненный тишины, безмолвия (о времени суток)’: *глухая ночная пора, глухая пора зимней ночи*.

4. Четвертый ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением ‘затаенный, скрытый, неясный (о чувстве, состоянии и т. п.)’ (книж.), и имеет два частных подзначения ‘смутный, неопределенный’ и ‘недоступный для понимания’.

Поскольку значение переносное, то его словообразовательный потенциал небольшой. Производными являются два глагола *глушить* (‘ослаблять, умерять, сдерживать (какое-л. чувство, ощущение)’: *Давить и **глушить** эти чувства в себе беспощадно!*) и *глохнуть* (‘забыться, притупиться (о чувствах, мыслях и т. п.)’: *Лучшие чувства **глохнут** и вымирают в одиночестве*).

От глагола *глушить* образованы два приставочных глагола: *глушить* – *заглушить* (*заглушить* чувство голода) и *приглушить* (*приглушить* тоску) (‘ослабить, умерить, сдержать (какое-л. чувство, ощущение)’). От глагола *приглушить* мы находим следующие дериваты: глагол несовершенного вида *приглушать*; существительное со значением процесса *приглушение* (*Стадия **приглушения** чувств наступает, когда человек не находит способа отпустить накопленный негативный опыт*) и прилагательное *приглушенный* (‘умеренный, ослабленный (о чувствах, ощущениях)’: *Долгое подавление эмоций в себе приводит к своеобразной психической «атрофии»: человек разучивается испытывать чувства, они становятся **приглушенными***). Системно от прилагательного представлено наречие *приглушенно* (*приглушенно* страдать).

Глагол *глохнуть* имеет только одно производное – глагол совершенного вида с приставкой *за-* *заглохнуть*.

Таблица 4

глухой	глушить	приглушить	приглушать	
			приглушение	
			приглушенный	приглушенно
		заглушить		
	глохнуть	заглохнуть		

5. Пятый ЛСВ прилагательного *глухой* ('густо, сплошь заросший; без просвета, дикий; безлюдный': *глухое место, глухая тропинка* (разг.)), является переносным значением, но при этом у него значительно развита первая ступень деривации.

От прилагательного *глухой* в этом значении образованы наречие *глухо*, глагол *глохнуть* ('зарастать сорными травами, приходиться в запустение, дичать'), существительные *глушь* ('отдаленная и густо заросшая, труднопроходимая часть леса, сада; чаща'), *глушняк* ('глухой, непроходимый лес; глухие, непроходимые заросли чего-л. '), *глухомань* ('глухой, дремучий лес'), *глухота* ('глушь, глухомань') (местн.); существительное *глухарь* ('белый гриб, растущий в глухом бору') (местн.).

Существительное *глухомань* имеет одно производное: прилагательное *глухоманный*.

От глагола *глохнуть* образуется глагол совершенного вида *заглохнуть* (*сад заглох*).

Таблица 5

глухой	глухо	
	глохнуть	заглохнуть
	глушь	
	глушняк	
	глухомань	глухоманный
	глухота (местн.)	
	глухарь (местн.)	

6. Шестой ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением, связанным не с природными явлениями, а с общественной и культурной жизнью, – 'находящийся в глуши, удаленный от центров культурной, общественной жизни; захолустный' (*глухая провинция*).

От него образованы два существительных: *глушь* ('захолустье') и *глухомань* ('место, удаленное от центров общественной и культурной жизни; захолустье') и глагол *глохнуть* в значении 'приходить в запустение'. Глагол совершенного вида образуется с помощью приставки *за-*: *заглохнуть* в значении 'перестать развиваться; прийти в состояние застоя'. В словарях отмечается два производных прилагательных: *заглохший* и *заглохлый* ('заброшенный, запущенный') (разг.-сниж.).

Существительное *глухомань* имеет одно производное: прилагательное *глухоманный*, соотносящееся по значению с существительным.

Таблица 6

глухой	глушь		
	глухомань	глухоманный	
	глохнуть	заглохнуть	заглохший
			заглохлый

ба. На основе шестого ЛСВ прилагательного *глухой* ‘находящийся в глуши, удаленный от центров культурной, общественной жизни; захолустный’ развивается частное переносное значение, связанное с временными периодами (‘лишенный развития, характеризующийся культурным, общественным застоём, упадком (о временном периоде)’): *глухое десятилетие, глухое время, глухие годы застоя*. В этом значении отражаются особенности временного периода, пустого в социальном и культурном плане, т. е. ничем не выдающаяся, не отличающаяся пора; время, когда в обществе ничего особенного не происходит.

Здесь представлена словообразовательная цепочка: *глухой* – *глухомань* – *глухоманный* (*глухоманный 15 век*).

7. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* является переносным значением ‘без просветов, непроницаемый’. От прилагательного в данном значении образуются наречие *глухо* (‘совершенно плотно, не оставляя отверстий; без просветов, без промежутков’), существительное *глухарь* (‘большой винт с квадратной или шестигранной головкой’ (название указывает на прочность соединения, которое обеспечивают такие винты: *наглухо*)) и существительное *глухарь* (‘преступление, которое нельзя раскрыть за отсутствием улик’ (т. е. бесперспективное, не раскрываемое дело, «беспросветное»)).

От наречия *глухо* образуются еще два наречия с тем же значением *наглухо* и *вглухую* (разг.).

От глагола *глушить* образуется при помощи приставки *за-* глагол совершенного вида *заглушить* (‘закрывать отверстие, забив, заложив его чем-либо’: *заглушить отверстие*).

От глагола *заглушить* образуется глагол несовершенного вида *заглушать* и существительное *заглушка* (‘приспособление для закрывания отверстия *наглухо*’: *заглушка трубы*).

Таблица 7

глухой	глухо	наглухо	
		вглухую	
	глухарь1		
	глухарь2		
	глушить	заглушить	заглушать
			заглушка

7а. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* имеет частное переносное значение ‘застегнутый на все пуговицы, закрытый (об одежде)’ (*глухой воротник*).

На первой ступени деривации расположились два наречия *глухо* и *наглухо* (‘на все пуговицы, крючки, застежки (об одежде)’): *Котовский в глухо застегнутом коричневом френче сидел на столе* и *Он надел и наглухо застегнул серый плащ*) и прилагательное *глуховатый* (*воротник глуховат*).

Таблица 7а

глухой	глухо
	наглухо
	глуховатый

76. Седьмой ЛСВ прилагательного *глухой* – ‘без просветов, непроницаемый’ – описывает частную коммуникативную ситуацию, связанную с темой роста растений, и развивает переносное значение ‘на давать расти, лишая света’.

От прилагательного в данном значении образованы глаголы *глушить* (‘препятствовать развитию, проявлению чего-л.; подавлять развитие растений’, ‘не давать расти, лишая света, простора и т. п. (о растениях)’, ‘разрастаясь, мешать росту и развитию других растений; подавлять развитие растений’: *Зерно заглушила сорная трава*) и *глохнуть* ‘сохнуть, вянуть от недостатка ухода’.

От глагола *глушить* при помощи приставки *при-* образуется глагол совершенного вида *приглушить*, от которого в свою очередь образуется глагол несовершенного вида *приглушать* (*Ингибиторы позволяют приглушать рост растения вверх*).

От глагола *глохнуть* с помощью приставки *за-* образуется глагол совершенного вида *заглохнуть* (‘перестать расти, засохнуть, завянуть от недостатка ухода’: *После пересадки выпустил два длинных отростка и заглох*).

Таблица 76

глухой	глушить	приглушить
	глохнуть	заглохнуть

Итак, исходное прилагательное *глухой*, представляя собой полисемантическую структуру, формирует 7 когнитивно-коммуникативных словообразовательных подгнезд, базирующихся на его лексико-семантических вариантах. Каждое подгнездо описывает определенный фрагмент действительности или некое концептуальное пространство. При этом словообразовательные подгнезда могут включать в себя описание более частных конкретных типовых коммуникативных ситуаций.

Основным ЛСВ прилагательного *глухой* является значение ‘лишенный слуха (полностью или частично)’. Соответствующее подгнездо описывает коммуникативную ситуацию «Отсутствие слуха или его ослабление». Подгнездо данного ЛСВ прилагательного *глухой* не только описывает базовый фрагмент действительности, но и лежит в основе семантического развития других ЛСВ данного прилагательного.

Первое когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо представляет собой описание прежде всего слабослышащего или потерявшего слух человека (ср. также *глухарь* как название птицы). Оно включает производные, обозначающие признаки, процессы, которые могут привести к временной или окончательной потере слуха.

Данный ЛСВ актуализирует частную ситуацию, когда потеря слуха сигнализирует об утрате всех чувств, что может свидетельствовать и о смерти субъекта. При этом в словообразовательном плане в разговорной речи детальнее разработана прежде всего ситуация, когда объектом действия выступает рыба (*глушить рыбу*).

Второй ЛСВ прилагательного *глухой* и его производные формируют когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо, которое описывает когнитивное пространство с качественной семантикой «Равнодушие».

Прилагательное *глухой* в третьем ЛСВ и его производные в первую очередь связаны с широкой коммуникативной ситуаций, в центре которой находится характеристика звука (*глухой звук*) «Слабое проявление качества звука». На основе метафорического переноса актуализируются две другие ситуации. В центре одной из них находится концепт «цвет», а другой – концепт «боль». Третий ЛСВ прилагательного *глухой* также связан с коммуникативной ситуацией, которая опи-

сывает затухание звуков, а точнее шумов механизмов «Затухание звука в связи с прекращением действия механизма» (*заглушить мотор; мотор заглох*).

Четвертый ЛСВ прилагательного *глухой* лежит в основе словообразовательного описания коммуникативной ситуации, связанной с концептом «Скрытое, неясное чувство, ощущение» (*глухая злоба*).

Пятый ЛСВ прилагательного *глухой* и его производные связаны с концептами «Непроходимый, дикий» (*глухое место*).

Подгнездо шестого ЛСВ прилагательного *глухой* развивается на базе переходного значения, основывающегося на метафоре «природа – культура», и формирует словообразовательное подгнездо «Культурное захолустье, культурная дикость» (*глухая сторона*). Данное подгнездо реализуется в частной коммуникативной ситуации, связанной с описанием временного периода (*глухая пора*).

Седьмое когнитивно-коммуникативное словообразовательное подгнездо прилагательного *глухой* описывает коммуникативную ситуацию на базе концепта «Непроницаемость, беспросветность» (*беспросветность* – свойство по значению прилагательного *беспросветный* в 1 зн.: не имеющий просветов (*беспросветный ливень*)).

Данный ЛСВ прилагательного *глухой* реализуется при описании частной коммуникативной ситуации, связанной с темой одежды (*глухой воротник*). Помимо этого, подгнездо актуализирует конкретную ситуацию «Трудности развития растений» (*трава заглушила цветы*).

Рассмотрение словообразовательного гнезда с точки зрения его структурной организации, концептуальной деривации и коммуникативного потенциала позволяет выделить в нем когнитивно-коммуникативные словообразовательные подгнезда, которые будут формироваться производными, мотивированными отдельным лексико-семантическим вариантом базового производного слова. Выделяемые в результате подгнезда содержат описание определенного фрагмента действительности, а совокупность производных выступает в качестве совокупности кофункционирующих в речемыслительной деятельности языковых форм, представляя собой тематико-ситуативное объединение дериватов, обслуживающее определенное концептуальное пространство и ряд конкретных коммуникативных ситуаций.

Таким образом, словообразовательное гнездо предстает как сложная когнитивная структура, выступающая базой для речевой деятельности говорящего при решении коммуникативных задач, т. е. для речевой коммуникации. Подобная трактовка словообразовательного гнезда позволяет охарактеризовать его как когнитивно-коммуникативное словообразовательное гнездо.

Итак, при рассмотрении словообразовательного гнезда в русле когнитивно-коммуникативного подхода в нем выделяются когнитивно-коммуникативные подгнезда. Такие группировки производных лексем внутри словообразовательного гнезда, реализуя деривационные возможности языка и отражая национальные стандарты номинаций и стереотипы мышления, а также отображая коммуникативно значимые блоки смыслов, описывают отдельные фрагменты действительности, что обеспечивает коммуникативные потребности носителей русского языка и формирует словообразовательный фрагмент русской языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л.А., Осадчий М.А. Словообразовательная система как дискурсивное взаимодействие гнезд и типов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак.: Труды и материалы / Сост.: М.Л. Ремнёва и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 269–270.

Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Международный конгр. исследователей рус. яз., Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.; Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 181–182.

Гацайниева А.К. Словообразовательный потенциал названий частей тела человека в русском и даргинском языках: Дисс. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 160 с.

Головин В.Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. Ташкент, 1985. С. 213–216.

Каримова Г.О. Типы словопроизводства и критерии выделения гиперлексем // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Международный конгр. исследователей рус. яз., Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.; Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 186–187.

Осильбекова Д.А. Критерии омонимии словообразовательных аффиксов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С. 29–34.

Петрухина Е.В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274.

Поликарпов А.А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 5. С. 64–74.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1985. 864 с.

Трифорова Н.С. Смысловая корреляция исходной и производной единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 170–173.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 250 с.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 116 p.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV, 1962. 263 p.

Dokulil M. Dva příspěvky k odvozování sloves // Naše řeč. 1982. Ročník 65. № 1. S. 1–11.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952. 319 s.

REFERENCES

Arayeva L.A., Osadchy M.A. Word Formation System as a Discursive Interaction of Nests and Types. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: II International Congress of Russian Language Researchers, March 18–21, 2004, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty: Proceedings / Eds.: M.L. Remneva et al. Moscow. Moscow University Press. 2004, pp. 269–270.

Vsevolodova M.V. Word Formation, Lexical, Syntax. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: Proceedings / International Congress of Russian Language Researchers, March 13–16, 2001, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty / Eds.: M.L. Remneva and A.A. Polikarpov. Moscow. Moscow University Press. 2001, pp. 181–182.

Gatsainieva A.K. (2010) Word-formation Potential of Names of Human Body Parts in Russian and Dargin Languages: PhD Thesis. Makhachkala. 160 p.

Golovin V.G. Hierarchy of Complex Units of Word-Formation Nest. In: Current Issues of Russian Word Formation: Proceedings of a Scientific Conference. Tashkent. 1985, pp. 213–216.

Karimova G.O. Types of Word Production and Criteria for Identifying a Hyperlexeme. In: Russian Language: Its Historical Destiny and Present State: Proceedings / International Congress of Russian Language Researchers, March 13–16, 2001, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty / Eds.: M.L. Remneva and A.A. Polikarpov. Moscow. Moscow University Press. 2001, pp. 186–187.

Osilbekova D.A. Criteria for Homonymy of Word-Forming Affixes. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No 1(69), pp. 29–34.

Petrukhina E.V. Russian Aspect as a Morphological Derivational Category in the Context of Modern Studies of Aspects' Correlativity. *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 60. No 2, pp. 253–274.

Polikarpov A.A. Theoretical Aspects of Applied Lexicology. *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*. 1989. No 5, pp. 64–74.

Tikhonov A.N. Basic Concepts of Russian Word Formation. In: Word-Formation Dictionary of the Russian Language: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1985. 864 p.

Trifonova N.S. Semantic Correlation of the Original and Derived Units. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov. Gramota Publ. 2017. No 10. Part 1, pp. 170–173.

Vasmer M. Russisches etymologisches: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/г/глухарь>

Fatkhutdinova V.G. (2005) Complex Units of Word Formation in Russian and Tatar Languages. Kazan. Kazan University Press. 250 p.

Chomsky N. (1957) Syntactic Structures. The Hague. Mouton. 116 p.

Dokulil M. (1962) Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha. CAV. 263 p.

Dokulil M. Dva příspěvky k odvozování sloves. *Naše řeč*. 1982. Ročník 65. No 1, ss. 1–11.

Doroszewski W. (1952) Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 319 s.

Сведения об авторах:

Лидия Васильевна Красильникова,
доктор пед. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lidia V. Krasilnikova,
Doctor of Pedagogical Sciences
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
likras@mail.ru

Александра Витальевна Сапунова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra V. Sapunova,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
eeya@mail.ru